

GOVERNMENT OF LENINGRAD REGION
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOCIETY OF RUSSIAN FEDERATION FOR PROTECTION
OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN STATE

Vol. III

SCIENTIST, POLITICIANS, JOURNALISTS, CLERICALS
ABOUT CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA

St. Petersburg
«Vesti»
2002

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Выпуск III

УЧЕНЬЕ, ПОЛИТИКИ, ЖУРНАЛИСТЫ, ДЕЯТЕЛИ ЦЕРКВИ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ДОСТОЯНИИ

Санкт-Петербург
ИПК «Вести»
2002

изготовленным в Швеции и Германии — компаниями Knackstedt&Nather, Anstalt Karlsruhe и K. Schubert (Луга), Stengel&Co. (Гатчина).

⁵ *Забочень М. С.* Способы печати видовых открыток. // В кн. «Русский город на почтовой открытке конца XIX—начала XX века». — Москва: «Русская книга», 1997.

⁶ В этой связи можно упомянуть книги М. В. Новорусского (Путеводитель по Шлиссельбургу. — Петроград: Государственное издательство, 1923) и многочисленные путеводители (например, «Окрестности Ленинграда» — Ленинград: Государственное издательство, 1927).

⁷ *Кани П. Я., Кораблев Ю. И.* Петрокрепость. — Л.: «Лениздат», 1961, с. 22. Также *Иогансен М. В., Кирпичников А. Н.* «Петровский Шлиссельбург» (по новооткрытым материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М., «Наука». 1974; *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., «Наука», 1980.

⁸ Данные за 1887 год приведены по «Статистическому ежегоднику С.-Петербурга. 1887 год». — Санкт-Петербург: Издание Городской Управы по Статистическому Отделению, 1888.

⁹ Данные за 1905 год приведены на основании выпущенной в 1906 году Департаментом статистики и картографии «Карты движения товаров по железным и внутренним водным путям Российской Империи в связи с ввозом и вывозом через порты и пограничные таможи в 1905 г.».

¹⁰ Лоция южной части Ладожского озера. — Санкт-Петербург: Типолитография Н. Л. Ныркина, 1912.

¹¹ Ныне входит в городскую черту Шлиссельбурга.

¹² Цитируется по изданию: Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга. — Санкт-Петербург: «ФЕРТ», 1994.

¹³ Сам город Шлиссельбург был захвачен немцами уже 8 сентября 1941 года и был освобожден только 18 января 1943 года.

И. В. ДУБОВ

СЛОВЕНЕ И КРИВИЧИ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Проблемы, связанные с изучением хронологии, направлений и механизма, славянского освоения обширных лесистых и болотистых пространств Северо-Востока, в будущем одного из важнейших районов Древней Руси, уже давно привлекают пристальное внимание отечественных исследователей.

Накануне начала движения славян в этот регион он был редко заселен аборигенным финно-угорским населением. В связи с этим летопись сообщает, — «...а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же»¹. Из этого сообщения видно, что местное население концентрировалось, в основном, по берегам наиболее крупных озер Северо-Востока — в данном случае Ростовском (Неро) и Клещине (Плещеево). Это подтверждают и археологические данные. Они же говорят и в пользу того, что меря селилась также по берегам рек, в том числе и Волги. Именно в эти районы и устремилось новое население — славяне.

Первыми в российской науке этой проблемой занялись историки и филологи, которые использовали письменные источники, а также данные топонимии и гидронимии и только затем к ним присоединились археологи.

В 1870 г. была опубликована работа С. В. Ешевского, в которой рассматривалась данная тема. Он отмечал, что «основным инструментом в изучении этого процесса должна являться сравнительная филология»². Двумя годами позже Д. А. Корсаков отмечал без опоры на археологические данные, которых попросту тогда не было: «Раннее славянское заселение этого края шло от новгородских словен. Оно было весьма значительным, и только в XI—XII вв. началось более слабое колонизационное движение из Поднепровья через земли кривичей и вятичей»³. К иным заключениям пришел Н. П. Барсов, который отмечал, что известная по летописным сообщениям «залесская дань» Смоленску объясняется миграционным движением смоленских кривичей»⁴.

А. А. Шахматов, в свою очередь, полагал, что «заселение Ростово-Суздальской земли было осуществлено с Верховьев Волги»⁵.

В начале XX столетия к рассматриваемой проблеме обратился известный филолог А. И. Соболевский⁶. По-прежнему исключительно на базе письменных, топонимических и гидронимических источников основывались заключения таких историков, как В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов⁷. Однако уже с рубежа XIX—XX вв. начинается активное использование археологических источников. Первым это сделал один из ведущих исследователей А. А. Спицын, пришедший к заключению, что славянское заселение Верхнего Поволжья и Владимиро-Суздальской земли шло, главным образом, из Смоленского Поднепровья⁸. Определяя он и время начала колонизации, отмечая, что «судя по археологическим данным, колонизация Ростовского края русскими началась, как мы видим, в IX в. и, скорее всего, с верховьев Днепра из земли смоленских кривичей»⁹. Его выводы поддержали В. А. Городцов, Т. Арне и Ю. В. Готье¹⁰.

А. А. Спицын опирался в своих исследованиях, прежде всего, на материалы Владимирских курганов, раскопанных еще А. С. Уваровым и П. С. Савельевым. Главной заслугой этого исследователя является то, что он первым поставил вопрос о возможности и эффективности использования археологических источников для исторических реконструкций и решения широких исторических проблем и блестяще реализовал такую возможность, построив свою модель процесса. А. А. Спицын замечал, что «западные Новгородские древности, безусловно, не имеют отражения во владимирских курганах... Итог нашего рассуждения. В X в. Ростовская область была заселена значительными массами смоленских кривичей, занимавших не только Ростов, но также Ярославль, Суздаль, Юрьев и Переяславль. В XI—XII вв. этот край, кроме естественного прироста населения, усиливается ассимиляцией инородцев и новым притоком населения, главным образом из области тех же кривичей, как смоленских, так и двинских. Колонизация со стороны Новгорода если и была, то нет никаких оснований считать ее сколько-нибудь значительной. В XI—XII вв. Ростово-Суздальская область имеет, быть может, довольно пестрое население, но преобладают в нем самым решительным образом кривичи...»¹¹.

В те же годы были опубликованы работы известного ярославского историка, археолога и краеведа И. А. Тихомирова, который вслед за А. А. Спицыным также на археологическом материале пытался определить хронологию, направления, исходные области славянского заселения, но не всей Залесской земли,

а лишь Ярославского Поволжья. И. А. Тихомиров полагал, что Ярославское Поволжье в то время было покрыто густой сетью славянских городищ, однако он включал в этот перечень без разбора памятники разных эпох, в том числе и протофинно-угорской Дьяковской культуры¹². Он пришел к противоположным выводам, нежели А. А. Спицын, и поддержал давнюю теорию о северо-западном центре заселения, считая главными аргументами в пользу своей точки зрения «удобство речных путей по Шексне и Мологе, близкое соседство мери с весью, веси с Новгородом, прямой контакт со Скандинавией»¹³. Эта проблема явилась предметом острой дискуссии на IV Областном историко-археологическом съезде в Костроме¹⁴.

Северо-западное (новгородское) направление славянского заселения Северо-Востока отстаивал И. А. Тихомиров, а юго-западное (днепровско-смоленское) — А. А. Спицын. По поводу взглядов А. А. Спицына И. А. Тихомиров эмоционально писал: «...итак, кривичи, кривичи, кривичи — одни и повсюду. Они наполняют и свою собственную землю. Они же и заселяют и всю средину России. Удивительная плодовитость! Но куда же делись остальные? — словене новгородские, чудь, весь, меря и другие»¹⁵. Здесь И. А. Тихомиров, впрочем, как и А. А. Спицын, предвосхитил выводы будущих историков о смешанности населения, появившегося в Ярославском Поволжье в раннем средневековье.

Было бы неправильным полагать, что размежевание исследователей по данному вопросу в то время было достаточно четким. В некоторых работах находим примеры сочетания двух концепций о разных направлениях славянского заселения. Так, Н. Н. Овсянников делил колонизацию на два хронологических этапа: IX в. и XII—XIII вв. и определял два ее очага — Новгородская земля (словене) и Верхнее Поднепровье (кривичи)¹⁶.

Взгляды своих предшественников, и в частности Н. Н. Овсянникова, дополнил и развил уже упоминавшийся выше Ю. В. Готье, полагавший, что на раннем этапе волна движения населения шла из земель смоленских кривичей. Новгородскому направлению Ю. Г. Готье придает минимальное значение и считает, что «на Волгу выходили со стороны Новгорода уже не колонисты, а шайки удалых добрых молодцев, предков позднейших ушкуйников, которые может быть уже в X в. конкурировали с варягами на средней и нижней Волге». По его мнению р. Которосль является «кратчайшей дорогой, связывающей новый край с Волгой, по которой и шла кривическая колонизация»¹⁷.

Особняком стоит мнение языковеда Ф. П. Филина. Он отмечал, что в районе Владимира и Суздаля не было ни словен, ни кривичей, а было самостоятельное восточнославянское племя, имя которого не дошло до нас¹⁸. Впрочем, такая точка зрения не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками.

В конце 30-х гг. теперь уже прошлого столетия полевое изучение продолжила ленинградский археолог Я. В. Станкевич, производившая раскопки курганов Тимерёвского и Михайловского могильников. Она относит начало освоения славянами края к VIII в. и связывает с ними древнейшие трупосожжения в этих некрополях. При этом Я. В. Станкевич отмечает, что «здесь имеет отражение факт некоторого смещения славянского и мерянского населения»¹⁹. Я. В. Станкевич относил практически все погребальные памятники Ярославского Поволжья к славянам. Она полагала, что «большие» курганы Тимерёвского и Михайловского могильников являются славянскими и называла их сопко-видными. В пользу такого заключения приводились следующие аргументы: относительно большие размеры, которыми они выделяются среди обычных полусферических насыпей, составляющих большинство курганов данных некрополей, а также наличие под ними нескольких захоронений в виде зольно-угольных прослоек на разных уровнях этих усыпальниц. Более того, Я. В. Станкевич полагала, что «большие» курганы Тимерёвского могильника генетически восходят к сопкам.

Аналогичные мысли высказывались и П. Н. Третьяковым, опиравшимся на находки в Верхнем Поволжье погребальных курганов типа длинных курганов и сопок²⁰. В одной из последних своих работ он, однако, отмечает, что «В глубинах Волго-Окского междуречья длинные курганы и сопки новгородского типа ни разу не были обнаружены»²¹. Согласно П. Н. Третьякову, «с IX в., вероятно, второй его половины, древнерусское население начало проникать и в восточную часть Волго-Окского междуречья — в землю мери. Его путь и места поселений отмечены курганными могильниками конца IX—X в.»²². Ниже он пишет: «В последующее время, в XI—XII вв., судя по материалам из курганов, в восточную часть Волго-Окского междуречья хлынули особенно мощные потоки славяно-русских переселенцев. Преимущественно это были люди из Поднепровья, как Верхнего, так и Среднего, а также из Новгородской земли. Их главным путем с Днепра являлась Волга»²³.

Позицию Я. В. Станкевич и П. Н. Третьякова можно было бы всерьез рассматривать, если бы существовала твердая этническая атрибуция как сопок, так и длинных курганов. До сих пор в науке продолжается дискуссия об их этнической принадлежности и хронологии²⁴. Но самое главное заключается в том, что собственно в Волго-Окском междуречье ни те, ни другие погребальные памятники нам пока не известны. Длинные курганы раскопаны пока всего в двух пунктах Угличского течения Волги — у деревень Митино и Охотино, а сопки известны в бассейне р. Мологи в шести случаях²⁵. Другими словами, эти памятники не являются характерными для Волго-Окского междуречья и не могут быть основой для каких-либо исторических реконструкций.

Позже в литературе наибольшую популярность приобрела точка зрения Е. И. Горюновой, которая отнесла начало массового заселения славянами Волго-Окского междуречья к концу X в., вторая волна, по ее мнению, приходится уже на XI—XII вв.²⁶ В целом же она полагает, что поначалу в IX—X вв. кривичи заняли Тверское Поволжье, а Ярославское Поволжье и Суздальский край были заселены с двух сторон кривичами и словенами новгородскими. Второй этап колонизации относится к концу XI—XII в., когда уже метисное славяно-мерянское население стало осваивать более восточные районы междуречья Волги и Оки²⁷. Такую позицию поддержал и В. В. Седов²⁸.

Основную массу таких погребальных памятников, как Владимирские и Ярославские курганы IX—X вв., Е. И. Горюнова связывает с финно-угорским племенем — мерей.

М. В. Фехнер и ее коллеги на основе анализа погребального обряда и инвентаря, сопровождающего захороненных в Ярославских некрополях — Тимерёвском, Михайловском, Петровском, стали считать эти могильники полиэтническими, выделяя в качестве ведущего компонента финно-угров, а точнее, весь, которая продвинулась в этот регион из районов Белоозера в начале X в.²⁹ А собственно славянская колонизация здесь, по мнению М. Ф. Фехнер, начинается не ранее середины X в. и разворачивается в полной мере лишь к концу этого столетия. В. В. Пименов, специально занимавшийся проблемами происхождения веси, справедливо отмечает, что точка зрения М. В. Фехнер является такой же крайностью, как и выводы Я. В. Станкевич относительно славянской принадлежности ярославских курганов³⁰.

Позднее М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина в связи с получением новых данных, в частности по Тимерёвскому могильнику, пришли к несколько иным заключениям. Они отметили: «Прове-

денная датировка захоронений дала возможность установить, что кладбище функционировало с конца IX до начала XI в., т. е. около 150 лет. Наиболее интенсивный рост могильника отмечается во второй половине X в., видимо, в результате значительного притока населения в данный район Ярославского Поволжья в рассматриваемое время»³¹. И далее они замечают, что «...население, оставившее Тимерёвский памятник, было неоднородным в этническом отношении с явным преобладанием финского элемента, что особенно ярко выступает в курганах с сожжениями»³². Ранее они указывали, что «освоение территории Ярославского Поволжья славянами началось, видимо, во второй половине X в.»³³.

Подводя итоги этой обширной историографии, следует согласиться с тезисом П. Н. Третьякова, согласно которому: «Сейчас уже невозможно ограничиваться повторением мнений большинства исследователей XIX—начала XX в., представляющих себе эти этнические процессы элементарно просто, как смену одного населения другим»³⁴. К этому добавлю, и в целом XX столетия.

В связи с этим остановимся на фундаментальной работе И. И. Ляпушкина. В исследованиях ведущих отечественных археологов детально разбирается проблема выявления раннесредневековых погребальных памятников. В результате на территории лесной зоны, в частности, в пределах области новгородских земель, определен пласт курганов с трупосожжениями на стороне, который оставлен словенами³⁵. И. И. Ляпушкин отмечал, что полусферические курганы с погребениями по обряду трупосожжения занимают обширную область в лесной зоне и известны в тех районах, где летопись размещает словен новгородских, кривичей (он имел в виду как смоленскую группу этого племени, так полоцкую и исковскую), дреговичей. Частично подобные усыпальницы покрывают территорию радимичей³⁶. На севере такие курганы известны вплоть до Приладожья, а на востоке — вплоть до бассейна р. Мологи, впадающей в Волгу, и до верховьев Оки³⁷. Волго-Окское междуречье для И. И. Ляпушкина оставалось «белым пятном», а между тем здесь выявлены курганы с трупосожжениями, относящиеся к IX в. в Ярославском Поволжье и собственно в Суздальском Ополе, что значительно расширяет ареал славянского расселения в IX столетии и логично закрывает имеющуюся на картах И. И. Ляпушкина этногеографическую лауну.

В концентрированном виде проблемы славянского освоения Волго-Окского междуречья рассмотрены в трудах В. В. Седова. Прежде всего он утверждает, что: «В IX—X вв. словене новгород-

ские по Мологе достигают Ярославского Поволжья и продвигаются в глубь Волго-Окского междуречья...»³⁸. Вслед за И. И. Ляпушкиным он полагает, что для словен новгородских характерны полусферические курганы с кремациями, совершенными на стороне, когда остатки сожженного покойника переносили и помещали в курган. Характерно также отсутствие урн и вещей. По поводу днепровского направления заселения Северо-Востока В. В. Седов пишет: «Смоленско-Полоцкие кривичи приняли активнейшее участие в освоении территории Ростово-Суздальской земли. Однако Волго-Клязьменское междуречье не принадлежит к собственно кривичскому региону. Славянское население Северо-Восточной Руси формировалось в результате расселения нескольких племенных группировок»³⁹.

Не вызывает сомнений и такое заключение В. В. Седова: «Круглые курганы с сожжением, относящиеся к IX—началу XI в., в междуречье Волги и Клязьмы уже многочисленны и свидетельствуют о начальном этапе широкого славянского освоения этой территории. Основная масса круглых курганов с сожжениями здесь бесспорно принадлежит славянам. Однако дифференцировать эти насыпи на кривичские и новгородские нет возможности»⁴⁰.

Далее В. В. Седов, однако, уточняет: «Все же некоторые детали позволяют говорить о преобладающей роли словен в заселении исследуемой территории. В IX—начале XI в., как и в период длинных курганов, имело место лишь проникновение небольших изолированных групп кривичей. В то же время со стороны Новгородской земли через бассейны Мологи в срединные области междуречья Волги и Клязьмы хлынул значительный поток переселенцев»⁴¹.

Резюмируем сказанное. Начиная с IX в. Волжская система становится торной дорогой новгородских словен в их движении в Залесскую землю. На раннем этапе в эту водную систему входят реки Мста, Молога и Волга. Первоначально новое население обосновывается в небольшом регионе, по крайней мере только в Волго-Окском междуречье нам известны славяно-русские древности IX в. от места впадения р. Которосли в Волгу до оз. Клешино (Плещеево). В X в. славяне расселяются по всему Суздальскому ополью до р. Клязьмы. Конечно, данная схема не исключает прямого проникновения переселенцев из Новгородской области в Белозерье и в южные районы Волго-Окского междуречья из Верхнего и Среднего Поднепровья. В XI—XII вв. полностью завершается освоение славянами Волго-Окского между-

речь, и Ростовская земля становится важнейшей древнерусской областью, которой было суждено в дальнейшем сыграть ведущую роль в истории всей Руси⁴².

В цитированной выше работе В. В. Седов, используя, в основном, материалы погребальных комплексов, убедительно показал культурную близость Новгородской и Ростовской земель. Основной группой курганов Ярославского Поволжья, которые можно связывать со словенскими новгородскими, являются те, в которых захоронения совершены по обряду сожжения на стороне. Они крайне бедны и невыразительны по набору инвентаря. Эти курганы имеют минимальные размеры по сравнению с остальными, основные находки в них — лепная керамика. Такие курганы, как уже отмечалось выше, по мнению И. И. Ляпушкина и В. В. Седова, и являлись характерными для словен новгородских в период с VIII по X в.

Характерной чертой как для Новгородчины, так и для Верхнего Поволжья, являются клады восточных монет, зарытые в землю в IX—X вв. Они есть и в Ладого, и в Новгороде, и в Тимерёво, и на Сарском городище. Здесь важен не сам факт наличия дирхемов, а то, что эти сокровища оказались зарытыми в землю в важнейших центрах Балтийско-Волжского пути. В их культурных слоях встречены также многочисленные предметы восточного импорта (глиняные сосуды, бусы из сердолика и горного хрусталя, украшения из бронзы).

Все сказанное говорит о том, что в эпоху раннего Средневековья между Новгородской и Ростовской землями имелось определенное экономическое и культурное единство, которое во многом было обусловлено тем, что их связывал Балтийско-Волжский путь. А он имел не только трансевразийское, но и внутривосточное значение⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Повесть временных лет. М.; Л. Т. I. С. 14.
- ² Ешевский С. В. Русская колонизация Северо-Восточного края. М., 1870. С. 603—644.
- ³ Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 185.
- ⁴ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 188.
- ⁵ Шахматов А. А. К вопросу образования русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. IV. С. 336—337.
- ⁶ Соболевский А. И. 1) Откуда шла колонизация в Ростово-Суздальскую область // Труды Ярославского областного съезда. М., 1902. С. 1—5; 2) Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912. С. 3.

⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1908. Ч. 1. С. 367; Платонов С. Ф. 1) Лекции по русской истории. Пг., 1915. С. 104; 2) Очерк низовской колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. С. 47.

⁸ Спицын А. А. 1) Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. VIII. С. 334—340; 2) К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды Второго областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906. С. 186.

⁹ Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия Археологической Комиссии. 1905. Вып. 15. С. 167.

¹⁰ Городцов В. А. Древнее население Рязанской земли // Известия ОРЯС (Отделение русского языка и словесности). 1909. XIII. 4. С. 134—150; Т. J. Arne. La Suede et l'Orient. Uppsala. 1914. P. 722; Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН. М., 1928. IV. С. 138—144.

¹¹ Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 170—172.

¹² Тихомиров И. А. Славянские городища // Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома, 1914. С. 229.

¹³ Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии // Там же. С. 229.

¹⁴ Там же. С. 74—140.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ Овсянников Н. Н. О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 2—9.

¹⁷ Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации... С. 140—142.

¹⁸ Филин Ф. П. Очерки истории русского языка до XIV столетия // Ученые записки ЛГУ. 1940. 20. С. 86.

¹⁹ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X столетии // МИА. 1941. № 6. С. 83.

²⁰ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М., Л., 1966. С. 298—300.

²¹ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 124.

²² Там же. С. 125.

²³ Там же. С. 131.

²⁴ Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 63—67; Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Приладожья. СПб., 1994. С. 37—40.

²⁵ Седов В. В. 1) Новгородские сопки // САИ. М., 1970. С. 50. Табл. 1; 2) Длинные курганы кривичей // САИ. М., 1974. С. 61. Табл. 1.

²⁶ Горюнова Е. Н. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. С. 36—37.

²⁷ Там же. С. 183—248.

²⁸ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 186.

²⁹ Фехнер М. В. Тимерёвский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 15.

³⁰ Пименов В. В. Вепсы. М., Л., 1965. С. 99.

³¹ Фехнер М. В., Недошвина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 86.

◆
**«БАЛТИЙСКАЯ ИДЕЯ»
 В СТРОИТЕЛЬСТВЕ РУССКИХ ГОРОДОВ**

³² Там же. С. 87.

³³ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 114.

³⁴ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне... С. 286.

³⁵ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА. 1968. № 152. С. 112—113.

³⁶ Там же. С. 111.

³⁷ Там же. Рис. 4.

³⁸ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 170.

³⁹ Там же. С. 166.

⁴⁰ Там же. С. 188.

⁴¹ Там же. С. 188.

⁴² Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982. С. 44—45.

⁴³ Дубов И. И. Новгородская и Ростовская земли в эпоху раннего Средневековья // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 87, 90.

1. Первое проникновение восточных славян в регион Южного Приладожья состоялось, возможно, в последней четверти VII—первой половине VIII в. Их расселение в этом регионе объяснялось стремлением выйти к Ладожскому озеру, реке Неве и далее к Балтийскому морю и получить свободный доступ к водным путям и беспрепятственной торговле со странами Северной и Западной Европы. В новоосвоенных местах пришельцы устроили ряд укрепленных поселений, лидером которых явился город Ладога, основанный не позже 753 г. (по данным дендрохронологии) в низовьях реки Волхов. Вскоре Ладога выдвинулась в качестве самого значительного на севере Восточной Европы международного торгового места и порта. Через Ладогу по крупным рекам Русской равнины Волге и Днепру проходили магистральные караванные пути в Арабский Халифат и Византию. Именно здесь в низовьях Волхова сочленились западный и восточный отрезки великих трансевразийских торговых путей. Через Ладогу на рынки стран региона Балтийского моря, начиная со второй половины VIII в., хлынул основной поток исламского монетного серебра и установились глобальные экономические связи Запада и Востока. В результате, едва ли не впервые в истории раннесредневековой Восточной Европы, налажился масштабный и регулярный обмен достижениями и ценностями Запада и Востока, и все это благодаря человеческой предприимчивости, почти без вмешательства государственной власти. В условиях стремительного экономического подъема целых областей и своей округи Ладога становится центром федерации славянских и финских племен, а затем в 862 г. первой государственной столицей складывающейся империи Рюриковичей, и в дальнейшем остается фамильным владением правящей династии. В этот период в Ладоге возникла сначала деревянная, а затем каменная крепость. На площади города около 12 га проживало примерно